

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОРОЖАН В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е гг.

М.С. Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления

salamatova.m@mail.ru

Статья посвящена изучению электорального поведения горожан в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. В статье анализируются основные особенности и эволюция поведения рабочих, красноармейцев и непролетарских слоев населения на выборах, а также исследуются основные механизмы воздействия власти на электоральное поведение городского населения в Советской России.

Ключевые слова: электоральное поведение, городское население, протесты, лояльность к большевикам, коллективный мандат доверия, административный ресурс.

Западная традиция изучения электорального поведения насчитывает уже более века, сложились научные школы, разработаны модели, призванные предсказать исход голосования и объяснить результаты выборов. Наиболее адекватными признаются: теория рационального выбора, социологическая, социально-психологическая и манипулятивная модели. Социологическая и социально-психологическая модели в качестве основных факторов, определяющих поведение электората на выборах, называют влияние принадлежности к определенной группе, слою, классу, семье и т. д. Теория рационального выбора предполагает, что люди в первую очередь руководствуются на выборах собственным интересом, расчетом или выгодой. Манипулятивная модель, напротив, отвергает возможность свободного выбора, и в качестве главного фактора, влияющего на электоральное поведение граждан, называет воздействие

средств массовой информации и политической рекламы¹.

В России изучение электорального поведения пока находится на стадии сбора и обобщения эмпирических сведений и изучения концепций западных коллег². Проведение объективных научных исследований устойчивых закономерностей электорального поведения граждан и формулирование соответствующих научных представлений и концепций является повесткой будущих исследований отечественных политологов и социологов. Главными причинами отставания в изучении элек-

¹ Охременко И.В. Электоральное поведение: теория вопроса: учеб. пособие для вузов в 2 ч. Ч. 1. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

² Ослон А. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям / А. Ослон, Е. Петренко // Вопросы социологии. – 2006. – № 5. – С. 8–16; Иванов В.Н. Политическая социология: учебник для вузов / В.Н. Иванов, Г.Ю. Семин, Л.Н. Алисова, З.Т. Голикова; под общ. ред. В.Н. Иванова. – М.: Феникс, 2006.

торального поведения стало, с одной стороны, отсутствие нормально функционирующей демократической политической системы и складывание в 2000-е гг. характерной для авторитарных режимов имитационной модели электоральной системы. С другой стороны, высок уровень конфиденциальности рынка политических услуг, субъекты которого не склонны раскрывать реальные механизмы и факторы, определяющие результаты их деятельности, стремятся формировать и поддерживать мифы о высокой эффективности применяемых на выборах политических технологий, и не раскрывать реально действующие механизмы электорального поведения российских граждан.

Применительно к советскому периоду электоральное поведение не изучалось даже на уровне постановки проблемы. Советская историография, ограниченная марксистской парадигмой, рассматривала выборы в рамках деятельности советов, руководства коммунистической партии советами, соотношения социальных групп, классов, классовой борьбы в городе и деревне³. Современная отечественная историография обратилась к ранее не исследованным сюжетам, преимущественно связанным с дискриминацией отдельных слоев населения на выборах, нарушениями избирательного законодательства в ходе из-

бирательных кампаний и региональными особенностями проведения избирательных кампаний⁴. Вопросы, связанные с формированием электоральной культуры советских граждан, электорального поведения различных групп населения, в отечественной историографии пока не обсуждаются. Вместе с тем изучение этих вопросов имеет ключевое значение для понимания сложившихся электоральных традиций в России.

Отчасти сложившаяся ситуация связана со сложностью и неоднозначностью использования при реконструкции прошлого категорий и концепций, разработанных политологами и социологами. Насколько оправданно оперировать понятиями и категориями электорального поведения в исторических исследованиях, разработанными в рамках моделей, складывавшихся в условиях нормально и длительное время функционирующих западных демократических

⁴ Тихонов В.И. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки / В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин. – М.: Мосгорархив, 1999; Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х–1936 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002; Валуев Д.В. Лишеницы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2003; Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2005; Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Причерноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003; Тютюнник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Тютюнник. – Славянск-на-Кубани., 2009; Саламатова М.С. Кампания 1930 г. по устранению нарушений избирательного законодательства в Западной Сибири // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4 (66). – С. 93–101.

³ Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990; Кушкун Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1968; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партией общественно-политической жизнью Западно-сибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. (1926–1937 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982; Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). – М.: Юрид. лит-ра, 1966.

избирательных систем? На наш взгляд, такое использование вполне допустимо при условии деликатного обращения с историческим контекстом 1920-х гг. и с учетом особенностей советской избирательной системы. Недемократичность и несхожесть советской избирательной системы с западными не отменяет возможности исторической реконструкции различных поведенческих реакций граждан в рамках проведения советских избирательных кампаний.

В современных исследованиях нет единства подходов к понятию и структуре электорального поведения, соотношение политического и электорального поведения населения также точно не определены⁵. Под «электоральным поведением» мы понимаем систему взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов.

Сюжеты, связанные с электоральным поведением в Советской России, разнообразны и многогранны, данная публикация не претендует на их всестороннее освещение, в ней предпринимается лишь попытка анализа наиболее распространенных настроений, требований, реакций городских слоев населения в ходе избирательных кампаний 1920-х гг.

Приступая к анализу электорального поведения советских избирателей в 1920-х гг., следует охарактеризовать специфику советской избирательной системы. Наиболее специфичной ее чертой было введение трудового ценза: избирательным правом обладали только лица, признаваемые властью «трудящимися»⁶. Остальные отстраня-

лись от участия в выборах⁷. Число лиц, лишенных избирательных прав в Советской России, не превышало 5 % от взрослого населения страны⁸.

Важной особенностью советских выборов указанного периода являлось проведение избирательных собраний по производственно-территориальному принципу. Избиратели делились на организованных (рабочие и служащие, члены профсоюзов, красноармейцы) и неорганизованных (кустари, ремесленники, домашние хозяйства, безработные, учащиеся, живущие своим хозяйством, помогающие члены семей)⁹.

Также характерными чертами советских выборов являлись многостепенность, открытое голосование за кандидатов на избирательных собраниях, неравенство представительства между различными социальными группами. Непривычной для современных избирательных систем являлась и частота проведения выборов. На протяжении 1920-х гг. они проводились практически каждый год: в 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, зимой 1926–1927 и зимой 1928–1929 гг.

Электоральное поведение пролетарских слоев населения

За настроениями, требованиями, поведением на выборах пролетарской части населения власть наблюдала особенно пристально, рассматривая их в качестве своего базового электората. Электоральное пове-

Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). – 1918. – № 51. – Ст. 582.

⁷ Там же.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 20. Д. 918. Л. 60.

⁹ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. (горсоветы, сельсоветы, волсьезды, волисполкомы и ревизионные комиссии) / под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова // Статистический сборник. – М.: Изд-во НКВД, 1926. – С. 52.

⁵ Ослон А. Указ. соч. – С. 8.

⁶ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и постановлений

ление рабочих, служащих и красноармейцев характеризовалось высокой активностью посещения предвыборных и выборных собраний, участием в выдвижении и обсуждении кандидатов в депутаты, отчетов, докладов и наказов, лояльностью по отношению к большевикам. Пролетариат и красноармейцы находились в привилегированном положении на выборах, до 1925 г. только они имели право принимать участие в городских выборах, обладали значительными преференциями в представительстве в советах по сравнению с непролетарскими слоями населения. В рабочей среде было достаточно много выдвиженцев, уполномоченных и т. д., оказывавших энергичную поддержку советской власти.

Все вышесказанное не исключало критику отдельных лидеров, органов, руководителей, действий власти или направлений политики. Особенно жесткой критике подвергалась деятельность городских советов и руководителей предприятий, на которых трудились рабочие и служащие. Кроме того, безоговорочная поддержка пролетариата большевиков на выборах начинается только с 1922 г.

В короткий период проведения альтернативных выборов (1918–1920) единогласной поддержки большевиков со стороны рабочих и служащих не наблюдалось. Рабочие слои в целом придерживались социалистических взглядов, но это не означало автоматической поддержки большевиков, зачастую они отдавали предпочтение меньшевикам и левым эсерам. В ряде городов, где меньшевики и эсеры пользовались популярностью, несмотря на все усилия большевиков по противодействию избранию представителей оппозиционных партий, они избирались в советы.

Большевики уже с первых избирательных кампаний активно препятствовали избранию в советы представителей оппозиционных левых партий, используя не только силу убеждения, но и административный ресурс¹⁰. В большинстве случаев оппозиционным партиям запрещали выставлять списки своих кандидатов на выборы. Так, на выборах в 1920 г. во многих сибирских городах меньшевикам и эсерам было отказано в выставлении списков кандидатов на выборах в городские советы¹¹. По этой причине в Омске, Томске, Ново-николаевске были избраны городские советы, состоявшие исключительно из большевиков¹².

Однако там, где оппозиционные левые партии имели сильные организации, пользовались поддержкой профсоюзов и рабочих на предприятиях, большевики не решались столь беззащитно использовать административный ресурс. Острая борьба на выборах между большевиками и меньшевиками развернулась в Иркутске и Красноярске. Меньшевики пользовались поддержкой ряда профсоюзов в этих городах (союзы печатников, железнодорожников, металлистов). Несмотря на оказываемое давление на рабочих со стороны большевиков, мобилизацию лучших сил на проведение выборов, в Иркутске и Красноярске собрания печатников проголосовали за список меньшевиков (в Иркутске в горсовет было

¹⁰ Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 гг.). – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – С. 274.

¹¹ Государственный архив Омской области (ГАОО) Ф. 26. Оп. 1. Д. 80. Л. 60.

¹² Андреев В.П., Петрухина М.М. Партийное руководство городскими советами Сибири (1920–1932 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – С. 24; Шишкин В.И. Указ. соч. – С. 279.

избрано 9 меньшевиков)¹³. В целом в 1920 г. по РСФСР на уездные и губернские съезды было избрано 59 меньшевиков и 379 левых эсеров (хотя это были доли процентов, большевиков было избрано 21 358 чел.)¹⁴. Судя по общей статистике, массовой поддержки рабочих оппозиционные партии не получили.

Сейчас сложно предположить, чем в большей мере руководствовались рабочие и служащие, голосовавшие за представителей оппозиционных партий: протестом против формировавшейся безальтернативной политической системы, оказываемого давления со стороны большевиков, либо считали аргументы и программы оппозиционных партий более убедительными.

В любом случае, когда большевики окончательно зачищали политическое пространство в 1921–1922 гг., запрещая и репрессировав оппозиционные партии, массовых протестов населения не было зафиксировано, что свидетельствовало о недостаточной зрелости избирателя, неготовности отстаивать идеи свободы и демократии. Не следует недооценивать и популярность большевиков у населения, привлекательность их простых и доступных лозунгов у значительной части как городского, так и сельского населения. Коммунисты со своей стороны проявили незаурядную волю и желание к удержанию власти. Помимо использования административного ресурса, большевики привлекали лучшие силы агитаторов, популярных партийных и советских работников на выборах. В итоге начиная с 1922 г. единственной альтернативой коммунистам на советских выборах стали беспартийные кандидаты.

В первой половине 1920-х гг. поведение рабочих и служащих на выборных собраниях было зачастую пассивным, собрания в городские советы проходили при низкой явке избирателей, отсутствии интереса к выступлениям. Одной из причин низкой активности горожан на выборах стала формальная работа горсоветов, отсутствие у них собственных бюджетов и даже исполкомов. От их деятельности не зависело решение насущных городских проблем. На собраниях заслушивались доклады председателей уездных или губернских исполкомов, отчеты о работе исполкомов и советов, выдвигались необходимые кандидаты, заранее утвержденные соответствующим комитетом партии. Впоследствии выяснялось, что «намечали неавторитетных кандидатов»¹⁵.

В качестве причин поддержки «неавторитетных кандидатов» можно назвать и опасения, что обвинят в контрреволюции, и воздействие административного ресурса. В Твери, например, секретарь ячейки заявил председателю фабзавкома, возмущенному слабым списком кандидатов: «ячейка предписала и никаких разговоров быть не может»¹⁶. Но все же главной причиной, по которой рабочие, красноармейцы и отчасти служащие активно поддерживали большевиков на выборах, являлось отождествление себя с этой властью. Советскую власть рабочие воспринимали как «свою», тем более что большевики всячески подчеркивали привилегированный статус пролетариата, поэтому нюансы избирательного процесса рабочих мало интересовали, это был своего рода коллективный мандат доверия.

¹³ Красноярский рабочий. – 1920, 25 марта; Власть труда. – 1920, 4 сентября.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 267. Л. 12.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 112.

Политика «оживления советов» оказала существенное воздействие на выборный процесс и электоральное поведение организованной по производственным коллективам части населения в городах. В сводках инструкторов ВЦИК констатировалось: «в эту кампанию (1925 г.) начало меняться отношение рабочих к выборам. Если в прошлом году наблюдались факты формального, пассивного и индифферентного отношения рабочих избирателей к выборам горсоветов или их деятельности, то в 1925–1926 гг. мы имеем совершенно обратную картину»¹⁷. Выборные собрания стали проходить оживленно, рабочие и служащие активно обсуждали проблемы, высказывали мнения, задавали вопросы присутствовавшим на собраниях представителям власти. Наиболее популярны были вопросы, касавшиеся международной и внутренней политики большевиков, традиционно актуальными оставались бытовые вопросы (обеспечение школами, больницами; строительство дорог; высокие цены на товары; нехватка жилья; благоустройство городов и т. д.)¹⁸. В Саратове и Астрахани инструкторы ВЦИК сообщали, что «каждая часть города отмечала свои нужды, рабочие обращали внимание на то, что работа горсоветов старого состава была слаба, что горсовет по существу являлся головной частью городской администрации, а не организацией, которая дает реальные результаты»¹⁹. Связано это было еще и с тем, что в 1925 г. права городских советов были значительно расширены, и они стали приобретать черты реальных органов самоуправления, следовательно, от их деятельности могло

зависеть решение конкретных городских проблем²⁰.

На выборных собраниях звучали и весьма критические отзывы о советской власти, рабочие выражали мнения о приоритетах во внутренней политике (многие не принимали нэп, критиковали терпимость к буржуазным элементам, требовали инвестиций в развитие промышленности, понижения налогов в деревне и т. д.), критиковали партийных и советских руководителей («забрались наверх, забыли про наши нужды») ²¹. Особенно резкие критические замечания звучали в адрес местных советских и партийных органов и руководителей. На одном из выборных собраний в Туле рабочие заявляли: «горсовет жмет хуже, чем при царе, горсовету платят хорошо, он мягко стелет, а рабочему жестко спать». В Иваново-Вознесенске рабочие отмечали: «исполкомы да горкомы живут хорошо, а рабочий как жил в подвале, так и живет, дома строят только ответственным работникам»²². Нередкими были антисемитские и националистические высказывания рабочих. Так, только в Москве были зафиксированы «резко антисемитские выступления» на 45 выборных собраниях, рабочие заявляли: «жиды, поляки и латыши забрали портфели и правят нами, а ведь мы раньше с ними боролись»²³. Под огонь критики попадал даже основатель советского государства, на одном из выборных собраний в Твери рабочие гово-

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 538. Л. 12.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 42–43.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 110.

²⁰ Положение о городских советах, принятое ВЦИК 24 октября 1925 г. предусматривало организацию городского бюджета, управление подведомственными предприятиями, установление городских налогов и сборов, создание собственных исполнительных органов.

²¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 38–43.

²² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 70–71.

²³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 72–73.

рили: «Ленину памятников понаставили, а жилища не строите»²⁴.

Нередкой ситуацией в выборных кампаниях второй половины 1920-х гг. стало забаллотирование заранее утвержденных партией списков или кандидатов на собраниях рабочих и служащих. Связано это было с выдвижением кандидатов в депутаты, не пользовавшихся популярностью и авторитетом или дискредитировавших себя пьянством, «моральной неустойчивостью», прогулами, отсутствием необходимых качеств для выполнения депутатских обязанностей, игнорированием нужд избирателей и т. д.²⁵ Рабочие и служащие просили согласовывать с ними кандидатов заранее, зачастую на собраниях отказывались голосовать списком, как это было ранее, а требовали поименного голосования. Такое ответственное отношение к выбору депутатов в целом приветствовалось как партийными организациями, так и вышестоящими советскими органами, но низовые работники советских и партийных органов не всегда добросовестно готовились к выборам, включали в списки случайных людей и затем настаивали на избрании утвержденных списков. На выборных собраниях нередко выдвигались собственные кандидаты в советы или на съезды вместо забаллотированных.

Статистика об общем количестве забаллотированных кандидатов на выборных собраниях рабочих отсутствует, имеются лишь фрагментарные данные. Так, в Новосибирске в декабре 1928 г. – январе 1929 г. от ячеек ВКП(б) не прошли 18,4 % кандидатов, от профсоюзов – 62,5 %, от выборных

собраний – 82 %²⁶. Эти данные свидетельствуют, что выборы отнюдь не являлись формальным утверждением списка кандидатов даже среди лояльных большевикам слоев населения. Кроме того, сохранялась относительная демократичность процедуры (если иметь в виду, что выбирать можно было между членами ВКП(б) или беспартийными кандидатами).

Критические замечания и высказывания на выборных собраниях рабочих и служащих не опровергают высказанного выше тезиса о коллективном мандате доверия пролетарских слоев большевикам. Уровень активности и поддержки оставался высоким, но главное, несмотря на высказанные замечания, не звучало политических требований о необходимости свержения большевиков или поддержки другой политической партии. Это была допустимая критика в разрешенном и организованным властями виде, проведение выборов являлось важнейшим способом «выпуска пара» и выяснения настроений населения.

К концу 1920-х гг. при проведении выборов начали проявляться тенденции жесткой заорганизованности выборных собраний, которые выразились в появлении формальных мероприятий, таких как «митинги-переключки», соревнования рабочих коллективов на лучшее проведение выборной кампании²⁷. Это движение началось в кампанию 1928–1929 гг. Суть митинга-переключки заключалась в «вызове на соревнование о лучшем проведении

²⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 110.

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 69. Д. 349. Л. 31.

²⁶ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф.Р.-47. Оп. 1. Д. 619. Л. 15.

²⁷ Митинг-переключка // Власть Советов. – 1929. – № 2. – С. 6–7; Полуян Я. Переключка и рабочие бригады // Власть Советов. – 1929. – № 5. – С. 1–3.

выборов» на различных предприятиях, во взаимопроверках, взаимопомощи по организации выборов, отчетных собраний, помощи деревне и т. д. Такая формализация выборного процесса приводила к выхолащиванию смысла проведения выборов, демократического элемента, который был присущ в предыдущие выборные кампании.

Наибольшей формальностью отличалось проведение выборных собраний в частях Красной армии. Красноармейцы являлись «проверенным» электоратом, максимально лояльным к власти. В отчетах об итогах выборов отмечалось, что высокая явка красноармейцев «объясняется общим укладом жизни лиц, находящихся на военной службе. Представляя собой компактную массу в повседневной жизни, они и на выборы идут тоже организованно»²⁸. Явка красноармейцев не требовала особых усилий от власти, обеспечивалась командованием части и по сути являлась принудительной. Предвыборная идеологическая «обработка» красноармейцев носила массированный характер. В предвыборный период помимо политруков в воинские части приезжали известные советские и партийные работники, в агитации преимущественно использовались штампы советской пропаганды: рассказывали о тяжелом наследии царской России, огромных достижениях советской власти, врагах советской республики и т. д.²⁹ Постоянно передислоцирующимся красноармейцам были мало актуальны городские проблемы, большинство кандидатов им также не были известны, поэтому на выборных собраниях красноармейцев утверждались любые списки

кандидатов в депутаты практически без обсуждения³⁰.

Применительно к моделям электорального поведения поведение на выборах пролетарских слоев города вполне объясняется с точки зрения социологической модели. Их поведение, выбор определялись в первую очередь принадлежностью к объявленным большевикам привилегированным социальным группам советского общества. Рабочие, служащие и красноармейцы осознавали применение административного ресурса на выборах, недостатки строившегося советского общества, однако эти недостатки виделись как «частные» проблемы конкретного города или предприятия. Безотносительно к отсутствию альтернативы на выборах пролетарские городские слои поддерживали основные направления политики большевиков и не видели необходимости поддержки других политических сил. Многие полагали, что большевики выражали их требования, чувствовали сопричастность к советской власти (не следует забывать, что выдвиженцы, активисты, советские работники рекрутировались преимущественно из этих слоев), и от Октябрьской революции 1917 г. выиграли именно пролетарские слои общества.

Электоральное поведение непролетарских слоев городского населения

Непролетарское население городов (в статистике называемое неорганизованным в производственные коллективы) было наиболее проблемным электоратом для большевиков. «Неорганизованное» население городов 1920-х гг. преимущественно состояло из мелких хозяев города: куста-

²⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 47.

²⁹ Советская Сибирь. – 1926, 24 декабря; 1928, 16 января.

³⁰ ГАРФ. Ф.1235. Оп. 103. Д. 84. Л. 98–119; Оп. 104. Д. 23. Л. 327–352.

рей, ремесленников, кузнецов, извозчиков, крестьян, домашних хозяек, до 1926 г. мелких торговцев, т. е. всех тех, кого большевики презрительно называли «мещанским населением» городов, доставшимся им от до-революционного времени.

Эти слои советского общества 1920-х гг. занимали промежуточное положение между пролетариатом и мелкой буржуазией, многие из них работали в собственных небольших мастерских, трудились в артелях или в случае с крестьянами занимались огородничеством и садоводством, владели собственным жильем в городе. По мнению советских и партийных работников, эти слои обладали «мелкобуржуазной психологией», были несознательными, желали превращения в буржуазию, являлись пережитком буржуазного или даже феодального общества. Советская пресса зачастую карикатурно изображала эти слои населения как отсталые, буржуазные, «прихвостни» эшманов.

Применительно к выборам это были весьма разрозненные, достаточно многочисленные слои городского населения, безусловно не являвшиеся ядерным электоратом коммунистов. До выборной кампании 1925 г. не организованное в производственные коллективы население практически не участвовало в выборах в городские советы. Большевики, не желая создавать себе проблем на выборах, сознательно не проводили выборов собраний по территориальному принципу, отсекая тем самым эти слои от участия в выборах. В итоге складывалась ситуация, когда значительная часть городского населения, обладавшая избирательными правами, до 1925 г. отстранялась от выборов.

В 1925 г. на местах, реализуя политику «оживления советов», стали проводить вы-

борные собрания как по производственному, так и по территориальному принципу, т. е. к выборам допустили вышеречисленные слои городского населения. При организации выборных собраний «неорганизованного» населения перед большевиками стояла сложная задача: с одной стороны, обеспечить высокую явку и активность, с другой стороны, не допустить распространения антисоветских настроений и избрать заранее утвержденный список кандидатов. Удавалось это далеко не всегда.

Проблемы с проведением выборных собраний неорганизованной части населения обозначились уже в 1925 г. Население восприняло демократизацию «слишком буквально» и стало демонстрировать высокую активность на собраниях, выдвигать различные требования, создавать инициативные группы и т. д. Выборные собрания «неорганизованного» населения проходили не по запланированному сценарию. Люди не желали слушать огромные многочасовые доклады уполномоченных, депутатов, председателей исполкомов о свершениях советской власти, начиная либо возмущаться, прерывать, либо покидали помещение собрания. Жители городов желали прямого диалога, они активно задавали вопросы представителям власти, присутствовавшим на собраниях, выражали свое мнение, принимали участие в обсуждении.

Какие требования звучали на выборных собраниях непролетарской части населения? Распространенным требованием стало уравнивание в правах кустарей с рабочими, предоставление налоговых льгот кустарям и ремесленникам, создание профсоюзов кустарей, улучшение бытовых условий в городах (строительство школ, больниц, прачечных, бань и т. д.). В ряде городов звучали и политические требования. В част-

ности, в Весьегонске, Нижнем Новгороде, Угличе распространенными стали требования независимой организации выборов, неучастие партии большевиков в подготовке выборов и предварительном утверждении списков кандидатов в депутаты³¹. Члены горсовета Весьегонска требовали свободной, демократичной работы горсовета, отмечая в жалобе, что «при настоящем положении нет никакого интереса работать в горсовете, сидим молча на стуле, а если кто пискнет, чтобы задать вопрос или выступить в прениях, того тотчас записывают и начинаются всякие преследования, и в конце концов арест»³².

Кроме того, информаторы ВЦИК фиксировали в качестве массового явления отказ от голосования за утвержденный список кандидатов в депутаты. «Повсеместно неорганизованное население не желало голосовать за списки, предпочитая персональное голосование»³³. На выборных собраниях кустарей и домашних хозяек коммунисты не могли рассчитывать на коллективный мандат доверия. Представители непролетарских слоев населения настаивали, что депутатами могут быть только местные жители – плательщики налогов. При разборе конфликта, произошедшего на выборах в г. Весьегонске Тверской губернии в 1925 г., инструктор ВЦИК отмечал, что представители неорганизованного населения говорят: «Как могут защищать наши интересы члены профсоюзов и пришельцы (присланные члены партии), когда они сами налогов не платят или же имеют льготы?»³⁴

Представители неорганизованного населения при обсуждении кандидатов ис-

ключали из списков представителей пролетариата, ответственных советских и партийных работников. Кустари, ремесленники, домохозяйки выдвигали своих кандидатов и формировали свои наказы. Так, на выборах в Новониколаевский горсовет в октябре 1925 г. произошел настоящий скандал, выступление нэпманов нарушило весь ход заранее спланированного мероприятия. Неожиданное появление новой политической силы повергло в шок большевистских руководителей. Они даже не успели ничего предпринять, чтобы помешать нэпманам. В результате несколько частных торговцев прошли в горсовет Новониколаевска. В городском совете депутаты от предпринимателей активно защищали интересы частного капитала³⁵.

В уже упомянутом Весьегонске – небольшом городке Тверской губернии – ситуация дошла до открытых протестов населения. Члены Весьегонского горсовета от неорганизованной части населения писали в жалобе, направленной в Центризбирком, что накануне проведения выборного собрания арестовали одного из членов горсовета без санкции Президиума горсовета. В назначенное время «явились избиратели в полном составе и требовали у председателя уездного исполкома выпуска из-под ареста члена горсовета. Просьба избирателей не была уважена, поднялся страшный шум, все кричали об освобождении арестованного, но т.к. в просьбе было отказано, и граждане избиратели все того района оставили зал собрания, отказываясь голосовать за предложенные кандидатуры; была вызвана милиция, которая начала запугивать избирателей»³⁶. При разборе жалобы выяснилось, что избиратели требо-

³¹ ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 104. Д. 20. Л. 37.

³² ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 104. Д. 20. Л. 39.

³³ ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 103. Д. 637. Л. 111.

³⁴ ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 104. Д. 20. Л. 46.

³⁵ ГАНО. Ф.Р. 725. ОП. 1. Д. 39. Л. 26 (об).

³⁶ ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 104. Д. 20. Л. 46.

вали «свободных выборов» и «советов без коммунистов»³⁷.

Руководство страны серьезно обеспокоило ситуация с выборами в городах. В докладе Председателя Всероссийской Центральной избирательной комиссии Я.В. Полуяна об итогах проведения избирательной кампании в 1925–1926 гг. отмечалось: «значительный рост активности неорганизованного избирателя в городах ставит перед партийными, советскими органами и профсоюзами задачу усиления активности производственных рабочих и красноармейцев, в противном случае встает опасность захвата горсоветов чуждым элементом»³⁸. Особенную остроту эта проблема приобрела в мелких городах с преимущественно непролетарским населением. Полуяну представлялась недопустимой ситуация, когда в Калуге, Новгороде, Твери, Златоусте и ряде других городов большинство в городских советах принадлежало «неорганизованному» населению, во многие городские советы прошли эппманы³⁹.

Совершенно очевидно, что местные советские и партийные работники оказались не готовы к неконтролируемой активности населения на выборах, выдвижению требований и критике действий властей. Многие советские и партийные руководители не пользовались популярностью у населения, не были готовы к участию в выборах в условиях конкуренции даже с кандидатами от беспартийного населения. Со всех уголков страны во ВЦИК и Центризбирком посыпались запросы, обращения с просьбой принять меры к преодолению ситуации. Большевики всерьез опасались, что провозглашенная политика «оживле-

ния советов» и демократизации выборов может привести к проблемам с удержанием власти.

Руководство страны незамедлительно отреагировало на эту ситуацию. На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем в июле 1926 г., было принято решение о существенном расширении круга лиц, лишенных избирательных прав, потенциально нелояльных к советской власти⁴⁰. В постановлении указанного Пленума указывалось на необходимость «предохранить советы в деревне и в городе от засорения их эксплуататорскими элементами», исключив из числа избирателей «растущие капиталистические элементы»⁴¹. С помощью лишения избирательных прав большевикам удалось дискредитировать в глазах односельчан, сослуживцев, соседей, окружающих небольшую по численности, но весьма влиятельную и авторитетную часть зажиточного крестьянства и представителей непролетарских слоев города⁴².

Второй мерой, которая позволила избрать необходимых депутатов в советы, стали прямые манипуляции нормами представительства на выборах. ВЦИК установил различные нормы представительства на выборах для организованного и неорганизованного населения. Рабочие, красноармейцы и служащие избирали депутатов от общей численности, а неорганизованное население – лишь от числа явившихся на выборное собрание⁴³. Так, для г. Москвы в избирательную кампанию 1926–1927 гг. рабо-

³⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 36–39.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 11

³⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 12

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83–84.

⁴² Подробнее см.: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – С. 97.

⁴³ СУ РСФСР. – 1926. – № 5. – Ст. 29; 1927. – № 2. – Ст. 9–11; 1927. – № 6. – Ст. 49–51.

чие и красноармейцы избирали одного депутата от 100 чел., служащие – от 600 чел., неорганизованное население – одного депутата от 600 явившихся избирателей⁴⁴.

Манипуляции с нормами представительства обеспечили промышленному пролетариату и красноармейцам значительный перевес в представительстве в городских советах. Преференции красноармейцев и рабочих были существенны уже в выборную кампанию 1925–1926 гг.: на каждую 1000 избирателей было избрано 11 депутатов от красноармейцев и 12 – от рабочих (от неорганизованного населения только 5)⁴⁵. В 1926–1927 и 1928–1929 гг. этот перевес увеличился еще значительнее, достигая пятикратного перевеса (14 депутатов от рабочих, 12 депутатов от красноармейцев против 3 от неорганизованной части населения)⁴⁶.

В тех случаях, когда перечисленные меры не помогали, власть прибегала к прямым репрессиям – арестам и запугиванию⁴⁷. Еще одним важным направлением воздействия на «неорганизованную» часть населения городов стало совершенствование агитации. Традиционное использование в качестве средств агитации печати, радио дополнилось различными формами наглядной агитации (плакаты, листовки, лозунги), митингами, демонстрациями, ледовыми представлениями, факельными шествиями, состязаниями-маскарадами, театральными

инсценировками («агитационные судьи») и т. д.⁴⁸

К концу 1920-х гг. сложилась парадоксальная ситуация. В статистических сводках о выборах констатируется высокая активность «неорганизованного» населения на выборах, увеличение доли пролетарских слоев в городских советах⁴⁹, из этих данных как будто можно сделать вывод, что властям удалось изменить настроения и воздействовать на поведение мелких хозяев города на выборах в пользу их большей лояльности к режиму.

Однако материалы печати, информационные отчеты центральных и местных органов, жалобы населения свидетельствуют об обратном. Несмотря на использование агрессивных агитационных методов, административного ресурса и репрессий, поведение на выборных собраниях этой части горожан не изменилось. Факты нелояльного поведения на выборах городских непролетарских слоев оставались массовыми, «управляемая активность» населения оставалась скорее мифом из отчетов советских руководящих работников. В этот период контроль партии над населением был далеким от тотального.

Выборы в городах не являлись формальностью и простым утверждением списков кандидатов. По статистике, имеющейся в отчетах Сибкрайисполкома, в ходе выборной кампании 1928–1929 гг. при обсуждении кандидатов в депутаты от ячеек ВКП(б) не прошли 36,2 % кандидатов, от

⁴⁴ СУ РСФСР. – 1927. – № 2. – Ст. 10.

⁴⁵ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. (городские советы, сельские советы, волсезды, волисполкомы) / под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова // Статистический сборник. – М.: Изд-во НКВД, 1926. – С. 56–57.

⁴⁶ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. Выборы в городские советы. Статистический сборник. – М.: Власть Советов, 1930. – С. 26–27.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 104. Д. 20. Л. 46.

⁴⁸ Примеры неординарных методов агитации сохранила печать 1920-х гг.: Молодой рабочий. – 1929, 13 января; Советская Сибирь. – 1929, 10 февраля; Власть труда. – 1929, 1 января.

⁴⁹ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. Выборы в городские советы. Статистический сборник. – М.: Власть Советов, 1930. – С. 7, 9.

профсоюзов – 84,5 %, от выборных собраний – 85 %⁵⁰. Как и ранее, представители неорганизованного населения при обсуждении кандидатов исключали из списков не только представителей пролетариата, но и ответственных советских и партийных работников. Широкое освещение в печати получила ситуация с забаллотированием в декабре 1928 г. на одном из выборных собраний в городе Новосибирске кандидатуры председателя Сибирского краевого исполнительного комитета, кандидата в члены ЦК ВКП (б) товарища Р.И. Эйхе⁵¹, председателя окружного исполнительного комитета в г. Щегловске, секретаря райкома партии и заместителя председателя горсовета в Красноярске и т. д.⁵²

К непролетарской части населения достаточно сложно применить модели электорального поведения. Эти слои были разрозненными, они не обладали едиными представлениями, поэтому социологическую модель электорального поведения использовать некорректно. Отчасти поведение непролетарской части населения городов можно интерпретировать с точки зрения теории рационального выбора. Не считая большевиков выразителями своих интересов, они стремились к выдвижению собственных кандидатов, которые должны были отстаивать в советах интересы непролетарской части населения. При наличии оппозиционных партий в советской избирательной системе эти слои могли бы потенциально стать их электоратом. При отсутствии альтернативы поведение непролетарской части городов сводилось к протестным настроениям, выраженным различными способами.

⁵⁰ ГАНО. Ф.Р. 47. Оп. 1. Д. 619. Л. 15.

⁵¹ ГАНО. Ф.Р. 47. Оп. 1. Д. 643. Л. 48.

⁵² ГАНО. Ф.Р. 47. Оп. 1. Д. 643. Л. 14–15.

Изучение электорального поведения горожан 1920-х гг. свидетельствует о неоднозначном отношении к представителям правящей партии. Электоральное поведение организованной и неорганизованной части населения значительно различалось. Если поведение на выборах пролетарских слоев характеризовалось высоким уровнем активности и поддержки большевиков, лояльностью и коллективным мандатом доверия (что не исключало критики деятельности советов или отдельных представителей), то поведение непролетарской части населения отличалось противоположными чертами – отсутствием коллективного мандата доверия правящей партии, нелояльным отношением к большевикам, открытым выражением протестных настроений, выдвижением собственных кандидатов и требований. Вместе с тем протестные настроения непролетарской части населения не доходили до уровня организации оппозиционных партий или движений.

Несмотря на все усилия большевиков, к концу 1920-х гг. не удалось добиться «управляемой активности» населения с помощью организационных и пропагандистских методов. Необходимый результат достигался манипуляциями нормами представительства, административным ресурсом и прямыми репрессиями в отношении оппозиционно настроенных избирателей. Тотальный контроль и манипуляции общественным сознанием станут повесткой дня выборных кампаний 1930-х гг.

Литература

Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937) / В.П. Андреев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 227 с.

Андреев В.П. Партийное руководство городскими советами Сибири (1920–1932 гг.) /

- В.П. Андреев, М.М. Петрухина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 223 с.
- Валуев Д.В. Лишеницы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.В. Валуев. – Брянск, 2003. – 23 с.
- Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. (городские советы, сельские советы, волсезеды, волисполкомы) / под ред. С.М. Гурвич, Н.А. Кокотова // Статистический сборник. – М.: Изд-во НКВД, 1926. – 256 с.
- Иванов В.Н. Политическая социология: учебник для вузов / В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин, Л.Н. Алисова, З.Т. Голенкова; под общ. ред. В.Н. Иванова. – М.: Феникс, 2006. – 348 с.
- Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. Выборы в городские советы. Статистический сборник. – М.: Власть Советов, 1930. – 153 с.
- Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Причерноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.М. Корчагин. – М., 2003. – 26 с.
- Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.) / Ю.С. Кукушкин. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1968. – 174 с.
- Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью Западно-сибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.) / Ю.В. Куперт. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. – 412 с.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – 456 с.
- Митинг-переключка // Власть Советов. – 1929. – № 2. – С. 6–7.
- Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.М. Морозова. – Саранск, 2005. – 24 с.
- Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.) / А.И. Лепешкин. – М.: Юрид. лит-ра, 1966. – 575 с.
- Ослон А. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям / А. Ослон, Е. Петренко // Вопросы социологии. – 2006. – № 5. – С. 8–16.
- Охременко П.В. Электоральное поведение: теория вопроса: учеб. пособие для вузов в 2 ч. Ч. 1 / И.В. Охременко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 52 с.
- Полуян Я.В. Переключка и рабочие бригады / Я.В. Полуян // Власть Советов. – 1929. – № 5. – С. 1–3.
- Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х–1936 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.С. Саламатова. – Новосибирск, 2002. – 24 с.
- Саламатова М.С. Кампания 1930 г. по устранению нарушений избирательного законодательства в Западной Сибири / М.С. Саламатова // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4(66). – С. 93–101.
- Тихонов В.И. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки / В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин. – М.: Мосгорархив, 1999. – 255 с.
- Тютюнник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Тютюнник. – Славянск-на-Кубани, 2009. – 24 с.
- Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 гг.) / В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – 333 с.